

Раннее утро. Ночная роса еще не успела обсохнуть.

Прозрачные капли стекали по прожилкам листьев, и в лесу словно начался мелкий дождь. Чуньцзин покачивался в седле. Конь был под стать всаднику: породистый, с лоснящейся шерстью, настоящий алый скакун. А сам всадник — писанный красавец; недаром говорят, что среди лисьего племени нет дурнушек.

Он держал в руке винный кувшин и, прищурившись, лениво покачивался в такт движениям коня, наслаждаясь моментом. Кувшин был полон до краев, и хотя скакун шел плавно, вино все же расплескивалось, оставляя пятна на лазурном халате Чуньцзина. Но он не обращал на это внимания: он не был пьяницей, просто хотел забыться.

Когда человек по-настоящему пьян, это порой доставляет истинное удовольствие.

Выбравшись из густой чащи, он зажмурился от яркого солнечного света, ударившего сверху, и недовольно поморщился. Обернувшись, он увидел, как над лесом поднимается белесый туман, превращая его в сказочное, призрачное видение.

Он вспомнил наказ сестры перед отъездом. Она тогда сказала:

— Найдешь ты его или нет — неважно, но вернись ко мне живым и невредимым! Никаких драк, никаких споров, никаких неприятностей. Я уже предупредила всех станционных смотрителей на пути, так что они не посмеют проявить неуважение к нашему Великому принцу. И еще: на каждой станции ты обязан отправлять мне весточку с Синей птицей, чтобы я знала, как ты. Не смей заставлять меня волноваться.

Он помнил и свое обещание: ударив себя в грудь, он воскликнул:

— Не волнуйся, сестра! Я уже не маленький!

Но сейчас он полностью сбился с намеченного пути.

Чуньцзин задрал голову и улыбнулся, щурясь от солнца. Его чистое лицо озарилось светом, а тонкий белый пушок на щеках отливал золотом. Улыбка становилась все шире. Он взмахнул рукой, отбросил пустой кувшин назад, прищепил коня и помчался вперед, под солнечные лучи, подобно пущенной с тетивы лазурной стреле.

Если она не получит письма, будет ли она волноваться? Наверняка хотя бы немного, но будет!

Шаг коня стал короче, скорость упала. Чуньцзин откинулся назад, подложил руки под голову и лег на спину, глядя в бездонную синеву неба. Он думал, что побег принесет ему радость, но обнаружил: как далеко он ни бежал, он все равно оставался подобен воздушному змею, чей поводок крепко сжимала рука сестры.

Теперь он начал даже завидовать тем мужчинам, у которых с его сестрой не было кровного родства, и даже тому мужчине, которого она когда-то бросила.

Именно его он и отправился искать. Его звали Сяньси. До того как сестра взошла на престол, он был Верховным жрецом в их роду. Можно сказать, что нынешняя власть сестры — целиком и полностью его заслуга. Только вот вряд ли сам Сяньси предполагал, что в итоге сам окажется в ловушке, погубив их прекрасную любовь.

На взгляд Чуньцзина, поступок Сяньси был бессмысленным вредительством, ведь тот совершенно не понимал его сестру.

Она всегда хотела лишь одного — быть обычным человеком. Власть и положение никогда не были ее целью. Быть может, для многих власть — это смысл всей жизни, но что остается в конце? Уходим мы все одинаково — с пустыми руками.

Даже сейчас сестра мечтала однажды сбежать из Цинцю, покинуть Дацзэ, вернуться в Цзючжоу и зажить там, как Сяояо саньжэнь — вольная странница.

Алого скакуна под ним звали Хундоу. Имя ему дала сестра, сказав: Ты — Сяо Доуцзы, а он — Хундоуцзы, вот и будет у нас целая семья! У Хундоу было поразительное чутье, куда лучше, чем у самого Чуньцзина, поэтому конь внезапно остановился.

Чуньцзин лежал еще немного, дернул носом, а затем резко сел и посмотрел вдаль, на самый край дороги.

Там стоял трехчжановый столб, на котором развевался ярко-красный флаг с вышитым золотом иероглифом Вино. На ветру полотнище хлопало, разнося вокруг густой винный аромат.

Глаза Чуньцзина блеснули: каждый раз, когда он вспоминал сестру, просыпалась и его тяга к спиртному.

Он одернул полы халата и сел за стол, весь пропитанный винными пятнами. Стол был влажным и источал такой сильный запах, будто его только что выловили из чана с вином. Чуньцзин выложил на стол жемчужину и потребовал два огромных кувшина крепкого напитка.

Он уже не помнил, когда научился пить, но знал точно: если сестра об этом узнает, то задаст ему хорошую трепку, ведь она всегда говорила, что нельзя становиться пьяницей.

Конечно, к словам сестры он порой прислушивался. Он достал из-за пазухи бумажный пакет и под удивленным взглядом хозяина трактира высыпал чайные листья в оба кувшина. Заткнув их пробками, он вскочил в седло и ускакал прочь.

Теперь в его кувшинах было не вино, а чай.

Проехав не больше ли, Чуньцзин достал из-за пазухи белую чашу с широким горлышком, зубами вытащил пробку и налил напиток. Изумрудная жидкость в белой чаше казалась свежей и прозрачной, а аромат чая, смешанный с винным духом, был необычайно тонок.

Хундоу фыркнул и прибавил ходу — он тоже знал, что это хороший чай.

Чуньцзин одной рукой обнял шею коня, другой держал кувшин и, закрыв глаза, припал к гриве. Он потерся щекой о шею Хундоу, причмокнул губами, наслаждаясь вкусом чая и вина.

В ушах стоял шелест травы, словно кто-то перебирал в руках маракасы. Насекомые в траве издавали свои тихие звуки, и этот хаотичный шум на ветру постепенно обретал ритм, отчего и без того захмелевший Чуньцзин начал клевать носом.

В тот момент, когда он уже был готов поддаться зову сна, пронзительный и мелодичный птичий крик разорвал воздух, заставив его вздрогнуть и выпрямиться. Звук был дивным — мало какие птицы в мире могли похвастаться таким пением, но для Чуньцзина этот крик был подобен приговору.

Он посмотрел в безупречно чистое небо, нахмурился, закусил губу и, погладив гриву Хундоу, пробормотал:

— На этот раз Синяя птица прилетела быстрее, чем я ожидал. Вся надежда на тебя.

Хундоу издал короткое ржание, взметнул копыта и помчался вперед.

Алый скакун мог пробежать тысячу ли за день и восемьсот за ночь. Стоило ему разогнаться, как он уже не мог остановиться, пока не выплеснет всю энергию. Поэтому, когда конь наконец замер, Чуньцзин был бледен как полотно и его стошнило всем, что было в желудке.

Чуньцзин сидел на земле, совершенно потеряв всякий вид. Он вытер рот рукой, поднял взгляд на Хундоу и, тяжело дыша, прорычал:

— Хундоу!

Конь посмотрел на него и, опустив голову, потерся мордой о его плечо.

Чуньцзин взглянул в большие глаза с длинными ресницами и беспомощно вздохнул, погладив его по голове.

Опираясь руками о землю, он снова посмотрел в безоблачное небо, тяжело вздохнул и лег на спину, растянув губы в самодовольной ухмылке:

— Ну вот, теперь до следующей встречи пройдет немало времени!

— Хотя... — Чуньцзин повернул голову к Хундоу и усмехнулся, прищурив глаза, — для надежности мне все-таки придется сменить лицо, да и тебе сменить попону.

<http://bllate.org/book/19782/1949311>